

36. НАРОЧЬ

**Люблю твае, Нарач, затокі і тоні,
Як вецер густыя туманы развесіць.
Ці снежная пена на хвалях зазвоніць,
Цалуючы зоры, калышучы месяц.**

**Люблю, калі ў сонцы гарыш пазалотай,
Раскінуўшы сінія хваляў палотны,
Калі ў непагоду сумуеш маркотна
З рыбацкаю песняй, з зялёным чаротам.**

**Люблю твае буры, твае навальніцы.
Ў іх чую, бы ў песнях, жыццё маладое.
І хочацца блізка грудзьмі прытуліцца
Да чорных ад гневу кіпучых прыбояў.**

Это строки из поэмы “Нарач”, написанной народным поэтом Беларуси Максимом Танком в 1937 году. Для человека, рожденного на озере, озеро есть мир, жизнь, судьба, хлеб, песня, счастье.

События в поэме, связанные с восстанием нарочанских рыбаков против польских властей в 1935 году, базируются на озере как на вечном фундаменте, проистекают из озера и возвращаются к озеру как неиссякаемому источнику бытия. Рыбаки борются за право свободно ловить в Нарочи рыбу, как ловили их деды и прадеды. Никому и в голову не приходила мысль, что озеро Нарочь тоже обладает естественным правом – правом на жизнь. Даже поэт с его творческим воображением не мог представить, что озеро заболело и следует бороться не за рыбу, а за жизнь озера, то есть за свою жизнь, за свой мир, за свою судьбу, за свою песню, за свое счастье.

Реалии опередили воображение. Сегодня озеро Нарочь смертельно больно. К Нарочанскому краю подступает экологический апокалипсис. “Это результат не природной стихии, а элементарной бесхозяйственности, недопустимого отношения властей к ценнейшему национальному достоянию”, – констатировал президент Лукашенко 2 декабря 2004 года на производственном совещании «по Нарочи».

Телевидение ввело зрителя в накаленную атмосферу совещания. Выказывая тревогу и гнев по поводу ухудшения экологии озера Нарочь, президент был прав и справедлив. Поднимал как школьников и отчитывал чиновников района, области, республики. Возмущался браконьерством местного населения. Требовал: немедленно развивать въездной туризм! прекратить вывоз из страны капитала! не гробить угря! использовать для питания санаториев свои продукты, а не завозные! к 2008 году превратить Нарочанский край в курорт европейского уровня! управлению делами «крепко держать в руках этот парк!»

2 декабря 2004 года озеро Нарочь привычно замерзло по случаю очередной зимы. Под покровом ночной темноты по тонкому льду осторожно

скользила браконьерская армия жителей прибрежных и отдаленных деревень, сверлила дырки, ставила орудия для подледного лова рыбы, и двое из армии, потеряв осторожность, провалились, утонули. В незамерзшей земле в озеро сочились тысячи смертоносных ручейков, вытекающих из санаториев, домов отдыха, бань, личных коттеджей, гостевых домиков, деревенских сараев и туалетов, колхозных ферм, заправок, гаражей...

Как журналист-эколог, я более-менее регулярно встречаюсь с озером Нарочь с 1971 года, когда пришел в редакцию «Сельской газеты» (сейчас «Белорусская нива») в отдел механизации и мелиорации. Каждая новая встреча печальнее предыдущей. Озеро как природная система безостановочно деградирует. Без озера теряет рекреационную сущность курортная зона. Хилая природа заражает недомоганием экономику региона.

Не однажды я с блокнотом на коленях сидел на совещаниях «по Нарочи», все они были похожи на только что упомянутое, самое высокое, самое накаленное, самое ... сомнительное. Еще никто не брался вернуть озеру здоровье за 4 года. Это нереально хотя бы потому, что полная смена воды в Нарочи происходит за 12-13 лет. Для очистки потребуется несколько циклов.

17 ручьев, впадающих в озеро, несут отравленные отходы жизнедеятельности хозяйственного организма Мядельского района. Интеллект чиновников и специалистов, причастных к Нарочи, расходуется на создание мистификаций.

Нарочанские мистификации имеют две фазы: пассивную и активную. Пассивная – это когда из столицы в район, напрасно загружая почту, идут грозные приказы о незамедлительном улучшении санитарно-экологического состояния озера Нарочь и прилегающей к нему территории, а в обратном направлении, из Мяделя в Минск, идут, напрасно загружая почту, бодрые отчеты о проделанной работе.

Активная фаза игры наступает, когда в Мядель («на место», как говорят чиновники) прибывает проверяющая комиссия (то ли из Министерства природы, то ли из облисполкома, то ли из управделами президента). «На месте» комиссия проводит совещание, предварительно совершив объезд вокруг озера, либо сразу, без объезда, направляясь в здание райисполкома, вооружившись справками, подготовленными районной инспекцией по охране природы.

Совещание открывает глава комиссии. Он говорит, что озеро Нарочь является белорусской жемчужиной и что потомки нам не простят, если ее потеряем. Цитирует из свежего постановления пункт о том, что в водоохраной зоне озера категорически запрещено вносить минеральные удобрения и ядохимикаты. Достает из папки справку, перечисляет названия прибрежных колхозов, получивших минеральные удобрения и ядохимикаты. Местный начальник реагирует репликой: удобрения вносятся не в водоохранной зоне. Приезжий начальник переходит на высокопарный слог: минеральные удобрения – смерть Нарочи, где бы вы их ни внесли, в зоне или за ее пределами, они все равно попадут в озеро. Местный парирует: снимите с нас план по производству сельхозпродукции – и мы обойдемся без минеральных удобрений. Приезжий раздражается, багровеет, что означает, что план

устанавливает не он, а государство. Местный вытирает пот с лица, что говорит о больших чувствах.

Приезжий обманщик и местный обманщик – не враги друг другу. Как партнеры, они преследуют общую цель: намеренно ввести в заблуждение государство, штампуящее заведомо невыполнимые приказы по «Нарочанской тематике». После активной фазы публичной игры у партнеров наступит расслабление в укромной комнате ресторана, где им подадут копченого угря, выловленного в озере браконьерами. И пока мистификаторы жрут последнего нарочанского угря, нет смысла принимать технологические и управленческие решения по оздоровлению озера Нарочь и прилегающей территории.

Кроме приезжего обманщика и местного обманщика, при своей работе кормится обманщик-буфер. Сей игрок (инспектор по охране природы, специалист рыбнадзора, водный контролер, работник санэпидемстанции) постоянно живет в районе, а работает «от столицы». Он контролирует результативность правительственных мер по улучшению экологии Нарочи и одновременно с потрохами зависит от местных властей, которые не имеют реальных возможностей выполнить решения правительства. Не хочу обижать всех районных инспекторов, среди них встречаются принципиальные люди. Как правило, их выживают, заменяют обманщиками-буферами, которым поручается самая грязная работа по обману.

Сопровождать журналиста, исследующего проблему Нарочи, райисполком назначил инспектора Хилова (фамилия искажена). Мужчина солидного возраста выполнял свою роль с нескрываемой неохотой, разговаривал со мной скупыми фразами. Его первый вопрос был грубый:

–Что вам у нас нужно?

–Посмотреть, как охраняется озеро Нарочь?

–А что конкретно?

–Я не был на Нарочи два года. Хочу убедиться, что изменилось. Где улучшилось, где ухудшилось.

–Где вы хотите увидеть?

–Вы же лучше меня знаете, где. Вы здесь живете. Наблюдаете картину в целом.

–Говорите, куда ехать, на какой объект. – Хиллов намеренно доводил разговор до абсурда, а журналиста – до нервного срыва. Но меня выручает информация из собственных источников. Неважно, как я добыл ее: из письма читателя, из украденного документа, из подслушанного разговора чиновников... Журналистской этикой не прижмешь к стене заигравшегося наглеца, скрывающего факты.

–Едем в деревню Занарочь, – сказал я.

Приехали. На песчаном берегу озера стоит пустая ферма. Скот перевели в другое место, убрали мощный загрязнитель. Можно радоваться. Однако рядом с покинутой фермой я вижу ... заправочную станцию. Бензоколонки вросли в песок, черный и жидкий, как мазут. До озера каких-то двести шагов. Что может быть паскуднее заправки на озерном берегу!

– Вот, заправку благоустраиваем, – пояснил Хиллов, ставший разговорчивее.
– Видите, в озеро ничего не течет.

Вижу, бензинового ручья поверху нет. А если он скрыт внутри, в песке? Сочится в озеро день и ночь, год и два?

– Может, и сочится, – пожал плечами Хиллов. – Не знаю. Пусть наука скажет.

– Так спросите у них! Дайте задание.

– Это не мое дело.

– А какое – ваше?

– Я – инспектор. Маленький человек.

– Ладно, покажите что-нибудь хорошее.

– Вы еще хотите куда-то ехать? Говорите, куда?

– В деревню Шиковичи, – сказал я.

Приехали. На берегу озера Баторин (дитяти Нарочи) по-хозяйски разлегся свинокомплекс, обложенный, как высокими подушками, черными валами торфа. В торфе, в глубоких каньонах, пробивает дорогу вонючая жижа. Она не стоит на месте, ей обязательно надо двигаться. Куда?

– В озеро жижа не течет! – Хиллов обманывал меня. Поток свиных экскрементов, вырвавшись из торфяного каньона, прорыл русло в песке по направлению к озеру, пропетая метров пять, десять и ... исчез. Ушел в подземный сток. Его цель – озеро.

Озера не умирают, они переходят в иное биологическое состояние. В результате антропогенного загрязнения повышается биологическая продуктивность водной экосистемы. Свиная жижа и минеральные удобрения являются отличной подкормкой водорослям, прежде всего микроскопическим (фитопланктон). Когда фитопланктон зацветает, вода в озере делается таким зеленым бульончиком. Наиболее опасны сине-зеленые микроводоросли, они ядовиты, вызывают болезни у людей, соприкоснувшихся с цветущей водой.

Чем больше масса живых водорослей, тем больше масса водорослей отмирающих, опускающихся на дно в виде органических осадков. Гниющие водоросли отбирают из воды кислород, выделяют сероводород.

Осадки «растут» от дна озера к его поверхности, то есть увеличивается их слой, заполняет собой водную среду, умерщвляет ее фауну. Эвтрофирование (загрязнение) воды достигает критической отметки. Наступает момент, когда осадки выходят на солнечную озерную гладь. Начинается образование гнилостного болота.

Болото – устойчивая экосистема. Она создает свою фауну и флору. Фаза гниения непременно перейдет в фазу зарастания травой, затягивания мхом, редкого облесения (Нарочь, видимо, зарастет низенькой болотной сосной). Это резко увеличит численность видов растений и животных, для которых болото – рай земной. В сей исторический момент на болото ступит нога высшего животного – человека. Он явится туда либо собрать клюкву, либо пострелять дичь, либо ... осушить, как привыкли белорусские мелиораторы. Последних буду поджидать я с пером-штыком, которым стану колоть губителей болота.

Переход Нарочи в болото я наблюдал в миниатюре в окрестностях родного Горска, где маленькие озерца исчезли на протяжении моей жизни, то есть молниеносно. Однажды я пришел на озерцо – и не увидел его. В лужице-копейке, блестящей в центре бывшего озера, пели-кумкалы две последние водяные жабки. Их грустный разговор настолько поразил юного поэта, что он написал стихи:

**Як быццам, з таго свету
З-пад валакністых тоняў
Святая мова гэта
Усплыве й патоне:**

**–Кум-кума,
пазыч палатна.**

**–Як вытчу, то пазычу,
А зараз няма.**

**Так пела ўсё азерца,
Таёмнае, лясное,
Ў якога нават сэрца,
Заткалася травою.**

Тем, кто недоверяет поэту, советую побывать на озере Червонное в Житковичском районе. Крупнейшее (после Нарочи) озеро, перекормленное стоками с окружающих его осушенных болот, зарастает, затягивается зеленой пленкой. Людям не следует обижаться на природу, забравшей у них очередное озеро. Природа восстанавливает то, что люди у нее отняли, – болото.

Если белорусы не перестанут обманывать самих себя, они потеряют и Нарочь. Для нас это будет означать одно – смерть Нарочи.

Причина грядущей смерти озера Нарочь – итог биологических процессов, спровоцированных государством-обманщиком. В чем же причина подобного поведения самого обманщика? Чтобы рассмотреть первопричину в чистом виде, надо совершить экскурс в прошлое, свободное от экологических проблем.

Из поэмы Максима Танка “Нарач”:

**Былі ў нас азёры – быў хлеб і соль.
Паны азёры ўзялі,
Толькі нам кінулі чорствы падзол,
Голад, бяду, мазалі.
Кальшуцца і гнуцца трыснікі,
Як бура наляцеўшая ўдарыць.
Ніколі цябе, Нарач,
Не кінуць рыбакі.
Нарач нам змывала з твару слёзы, пот
І ад вясны да вясны**

**Нас гадала, карміла сірот,
Латала нам рызманы.
Кальшущца і гнуццв трыснікі,
Плывуць чаўны на сонечным загары.
Яшчэ ты ўбачыш, Нарач,
Устануць рыбакі!
Шумяць на ўзбярэжжы, шумяць лясы.
Будзем мы вольнымы зноў!
Крылле ўздомуць чаўноў парусы,
Ўдаль паплавём на палоў.**

Поводом для бунта нарочанских рыбаков стал закон о национализации рек и озер, принятый польскими властями в 1932 году (Нарочанский край, напомним, был в составе Западной Белоруссии). Согласно закону, озеро Нарочь перешло к Дирекции государственных лесов. Дирекция, в свою очередь, сдала озеро в аренду акционерному обществу во главе с помещиком Яблонским. Чтобы получить больше прибыли от рыбного промысла, руководитель акционерного общества запретил крестьянам нарочанских деревень промышлять в озере рыбу, лишил их извечного источника существования, оставив лишь неурожайные земли.

Крестьяне отказались подчиняться помещику, тот вызвал на подмогу полицию. Начались стычки, аресты. Крестьяне избрали забастовочный комитет, прогнали арендаторов, не пускали в озеро штрейкбрехеров, парализовали деятельность акционерного общества, лишили помещика Яблонского прибыли, а польское государство – поступлений от аренды озера. Бунт трудящихся взяла под свое знамя КПЗБ. Коммунисты издали листовку «Озеро принадлежит вам».

Польское государство вынуждено было пойти на некоторые уступки: разрешило крестьянам ловить рыбу своими сетями и в небольших количествах, повысило на рыбу цену. Это несколько снизило накал борьбы, но не остановило восстания. Труженики голубой нивы требовали отмены закона о национализации, добивались свободного промыслового лова рыбы.

Нарочанские рыбаки бунтовали вплоть до прихода в сентябре 1939 года Красной армии, которая освободила их от польских законов, принесла законы гугага, обмана. Собственником озера Нарочь стало советское государство, на голубой ниве оно создало рыбхоз, на «чорствым падзоле» – два десятка колхозов, вооружив их химическими удобрениями и сильнодействующими ядохимикатами. Рыбхозу и колхозу государство довело директивный план по производству продукции: рыбы, зерна, картофеля, мяса, молока. План должен был выполнен любой ценой, в том числе ценой природы.

Из одного источника более полувека исходили два взаимоисключающих приказа: интенсифицируйте вокруг Нарочи сельскохозяйственное производство, стройте в Нарочанском крае курорт. Источник известен – государство. То есть никто. Государство не является персонифицированным собственником, который в принципе не может принимать шизофренических решений по отсечению себе самому сначала правой, затем – левой рук, после чего – ног, глаз, ушей...

Собственником национального природного парка «Нарочанский» в конце двадцатого века стало управление делами президента Республики Беларусь. Как подтвердил Лукашенко на совещании 2 декабря 2004 года, Нарочанский край «принадлежит сегодня управделами, и хватит этих досужих разговоров – кто будет управлять на этой территории. Вопрос решен однозначно и бесповоротно».

Нет, разговор требует ясности. Почему экологическая ситуация на Нарочи принимает катастрофический оборот, что делает невозможным создание здесь полноценного курорта? Потому что Мядельский район остается зоной интенсивного ведения сельского товарного хозяйства. Почему местное население подчистую вылавливает в Нарочи рыбу на продажу? Потому что вконец обнищало. Потому что к нищете привело интенсивное, но затратное, лишённое экономического и экологического смысла сельское хозяйство, управляемое государством. Потому что из одного источника продолжают исходить два взаимоисключающих импульса. Потому что управделами – не классический собственник, а добытчик, прибравший к рукам лакомые куски – заповедники, сувениры, нефтепродукты, оружие, рыбу, водку, конфискат, сигареты...

Заповедники, превращенные в коммерциализированные национальные парки, беднеют, зато богатеют журавковы. Продажа оружия приносит государству баснословные деньги, а в Нарочь текут нечистоты, потому что нет денег на строительство очистных сооружений на курорте, который никогда не станет курортом европейского уровня, никогда не обеспечит работой местное население, никогда не принесет в казну валюту, никогда, если ...

Если жизни человеческой не хватает, чтобы увидеть на Нарочи изменения к лучшему, – значит они не наступят никогда. В следующей жизни я не хочу быть публицистом, доказывающим очевидное. Я стану, возможно, деревенским воробьем на озере Нарочь. Налетаюсь, сяду на ветку отдохнуть, почирикать о зеленом и голубом, о земле и небе, что в переводе Максима Танка на белорусский звучит так:

**Я пайду па ранніх росах,
Па сцяжынках адгалосаў
Асцярожненька збяру
Залацістую зару.
Пералескі, нівы, пейце!
Дзень іграе на жалейцы,
На трубе ды на ражку,
На зялёным лазняку.
Зрэбны пояс туга, туга,
У руках даўгая пуга.
Нарачанскі сіні край,
Гэй, на паству выганяй!**